

Глава 1

Тревожные новости

Обожаю смеяться! Ха-ха-ха! — напевала панда Пудинг (главная достопримечательность Эдинбургского зоопарка!) в конце очередного почти идеального дня. Большинство людей не догадываются, что панды — прекрасные аниматоры, но те, кто останавливался у вольера, чтобы понаблюдать за Пудинг, быстро убеждались: она умеет веселить детей!

— С утра до вечера! — мурлыкала панда, махая на прощание гостям зоопарка. Толпа

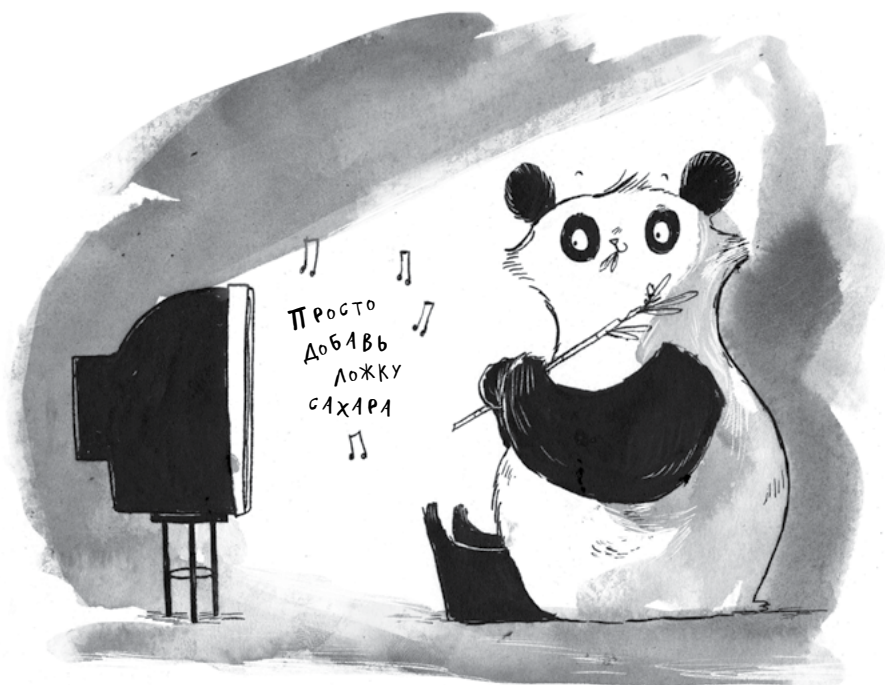
давно исчезла, но она продолжала посылать воздушные поцелуи.

— Приходите завтра! — шептала Пудинг холодному вечернему воздуху. — Я была так рада вас видеть!

Когда панда наконец поняла, что осталась одна, она вернулась в клетку, со вздохом села и занялась любимым делом: вечерами Пудинг пересматривала DVD с фильмом «Мэри Поппинс», который Джеральд подарил ей много лет назад, когда она только попала в зоопарк. Джеральд считал, что это поможет справиться с одиночеством. Так оно и было.

Какое-то время.

Пудинг обожала Мэри Поппинс. И, конечно, она обожала своего зрителя Джеральда. Оба много сделали для неё. Одна научила всегда быть вежливой и весёлой. Второй превратил в главную достопримечательность зоопарка. У одной был волшебный зонтик, у второго — рыжие усы (нетрудно догадаться, кто есть кто!)

Но ни один не мог заменить панде настоящую семью.

Пудинг снова вздохнула, глядя, как Мэри Поппинс летит по небу с волшебным зонтиком.

— Если я буду очень стараться, — грустно прошептала она, — то когда-нибудь смогу улететь, как ты, Мэри Поппинс! Тогда я найду семью, с которой буду жить. Семью, которая нуждается во мне.

БИП!

Пудинг знала, что этот звук означает бамбук. И точно! Джеральд принёс еду — как раз вовремя.

— Привет, Джеральд! — крикнула Пудинг. — Разве сегодня не суперпупермега-замечательный день?

— Хм, — проворчал зритель, отпирая вольер. Он с трудом держался на ногах, согнувшись под тяжестью блестящих зелёных побегов. Панда ежедневно съедала почти столько листьев, сколько весила сама, и Джеральд часто оказывался в таком плачевном положении.

— Давай помогу! — Пудинг забрала у него бамбук.

Джеральд вытер лоб.

— Спасибо, подруга! — сказал он. — Сегодня не мой день... Фламинго просто замучили!

— Бедняга! Какие они всё-таки капризные птицы! — отозвалась Пудинг. — Присядь! Отдохни немного.

— Отдохни! — проворчал Джеральд. — Да если я сяду, то уже не встану. Я ведь не молодею. Скоро восемьдесят три стукнет!

— Это очень много! — кивнула Пудинг.

— Вот спасибо, успокоила! — Джеральд притворился обиженным. — Лучше мне не сидеть в рабочее время. А то ещё начальство заметит. Они и так обсуждают, как бы выпроводить меня отсюда.

Пудинг задумчиво жевала сочный побег.

— Наверное, я тоже не молодею, — пробормотала она. Панда понятия не имела, сколько ей лет. Она знала только, что приехала сюда в ящике давным-давно.

— Разве кто-то вообще молодеет? — спросила Пудинг скорее у самой себя, чем у Джеральда. — Если бы такое было возможно, я бы превратилась в крошечного детёныша, а ты — в беспомощного младенца.

От этой мысли она хихикнула, а потом снова принялась за бамбук.

— Надеюсь, они не собираются выпроводить отсюда меня. Разве что... — поражённая невероятной догадкой, панда раскрыла рот, и из него вывалился побег. — Разве что меня отправят в семью, о которой я буду заботиться! Я бы так хотела стать няней

с сумкой, зонтиком и шляпкой. Как Мэри Поппинс! Думаешь, у меня когда-нибудь появится шанс?

— Что? — буркнул Джеральд. — Где это видано, чтобы панда была няней?! Ещё коза — куда ни шло*.

Он хрипло рассмеялся.

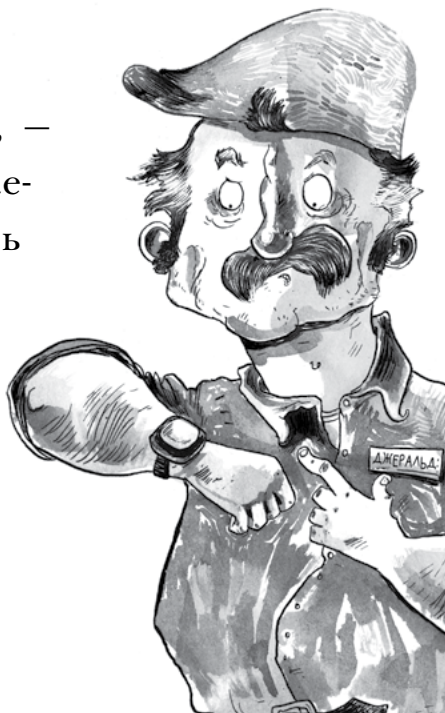
— Да у тебя опилки в голове, подруга! — Джеральд протянул руку и почесал её за ухом.

Пудинг совсем не понимала зрителя. Откуда у неё в голове опилки? И если коза может быть няней, то почему у панды не получится?

БИП! БИП!

— Ох, это новые часы, — раздражённо сказал Джеральд. Пудинг уставилась на устройство, которое он носил на запястье.

* В разговорном английском козу иногда называют *pappu-goat* («няня-коза»).

Такое красивое! Чёрное, блестящее, прямоугольной формы. (Любимым цветом Пудинг был чёрный; белый — на втором месте.) Эти часы Джеральду подарили за то, что он проработал в зоопарке шестьдесят лет. В три раза дольше, чем живут панды!

БИП! БИП! БИП!

— А ну прекрати! — фыркнул Джеральд.

— Извини, — удивилась Пудинг. — Я что-то не так сказала?

Джеральд улыбнулся:

— Нет, моя хорошая! Всё эти чёртовы часы. Раздражают меня: отправляют сообщения, рассказывают, как о тебе заботиться, когда тебя кормить. Как будто я сам не знаю! После шестидесяти-то лет...

Он гневно стиснул зубы.

— Постарайся не сердиться, Джеральд! — Пудинг похлопала зрителя по руке. — Тебе вредно!

— Какая же ты милая! — он снова улыбнулся. — От этого ещё труднее...

БИП! БИП! БИП! БИП!

— Тьфу! Дурацкая штукovina! — вскрикнул Джеральд, расстёгивая часы.

— Похоже, они тебя не слушаются...

БИИИИИИП!

— Оооооооо! — Джеральд нахмурился и сунул часы в карман.

— Может, прочтёшь, что там написано? Кажется, что-то важное! — заметила Пудинг.

— Ничего... — Джеральд запнулся. — Ничего срочного! Ты пока поужинай, а я принесу чистую подстилку.

Пудинг знала, что Джеральд несправедлив к часам: вообще-то они полезны. Вот,

например, случай с бабуином Ларри. Тот уехал в фургоне незнакомца, но, благодаря датчику на правой ноге Ларри и приложению «Найди свою обезьяну» в часах Джеральда, зритель вовремя спохватился.

Панда покачала головой. Люди бывают такими глупыми! В любом случае, проблемы зоопарка должен решать Джеральд. А ей пора ещё раз отрепетировать выступление! Ведь всем известно, что повторение — мать учения.

— Завтра состоится моё лучшее, — она вскинула лапу над головой, — моё самое восхитительное, — она развернула задние лапы на сорок пять градусов, — самое чудесное, — она посмотрела вверх и приподняла воображаемую юбку, — шоу!

— Точно, девочка... — пробормотал Джеральд, печально опуская голову. — Это будет твоё лучшее шоу, потому что оно может стать последним.

Пудинг остолбенела и растерянно уставилась на зрителя:

— Прошу прощения... Что ты имеешь в виду?

БИП! БИП! БИП!

— Да заткнись ты!

— Понимаю, что ты расстроен, Джеральд, но не нужно грубить.

Всё-таки сегодня он ведёт себя очень странно!

— Это я не тебе, подруга! Виноваты проклятые часы. И важные начальники, которые учат меня работать... — Джеральд вдруг перешёл на шёпот. — Если бы я нашёл опекуна раньше, то мог бы спасти тебя... Тебе не пришлось бы уезжать! — Он осёкся. — Ой! Неужели я произнёс это вслух?

— Опекуна? Спаси меня? Уезжать? — повторила Пудинг.

Лицо Джеральда стало пунцово-красным. Он был похож на придушенного страуса.

— Джеральд, мне придётся уехать? Куда? Смотритель переминался с ноги на ногу.

— Нуууу... — протянул он.

— Ну, Джеральд? — Пудинг настойчиво требовала ответа.

Джеральд откашлялся.

— Ты ведь понимаешь, что не можешь быть нянькой, Пуд? — смотритель потрепал её по плечу. — Ты панда. Медведь. Ты не можешь жить с людьми.

— Почему? — Пудинг слегка нахмурилась. Джеральд покачал головой.

— Как же тебе объяснить? Ох, просто сердце разрывается... — в глазах смотрителя блеснули слёзы. — Ты маленькая панда, дорогая! Редкая и дикая. Больше ты никем не можешь быть. А у панд должны рождаться детёныши. Что было бы со всеми нами без малышей?

— Что ты имеешь в виду? — Пудинг попыталась зарычать, надеясь, что это заставит Джеральда выразаться яснее.

— Руководство... Начальство... — бормотал он, озираясь, как будто их могли подслушивать. — Они хотят отправить тебя... — смотритель понизил голос ещё больше, — в Китай.

У Пудинг отвисла челюсть.

— Китай? Где это? — она слышала о китайских сервизах, но ничего не знала о месте под названием Китай. — Не понимаю. Что я сделала не так?

Джеральд взял её за лапу.

— Дело не в тебе, — сказал он со вздохом. — Такова жизнь. Мне очень жаль! Правда! Не передать словами.

«Бедный Джеральд», — подумала Пудинг. Он казался таким расстроенным.

— Я буду скучать по тебе, девочка! — продолжил смотритель. — Но ничего не могу поделать. Я уже старик. Никто не станет меня слушать.

Он отпустил её лапу.

— Пока, подруга! Увидимся утром. В последний раз. Кто знает, может, ветер переменится — и принесёт нам что-нибудь хорошее!

С этими словами Джеральд развернулся и вышел.

Пудинг сидела, сгорбившись, на бетонном полу; пухлый пушистый зад не защищал её от холода. «Давно Джеральд узнал, что меня отправляют в Китай? — гадала панда. — Сколько раз часы сигналили, напоминая, что он должен всё мне рассказать, а он ничего не говорил?»

Словно в ответ на эти мысли из-под стопки газет, которая служила Пудинг подстилкой, донёлся приглушённый звук. Часы Джеральда! Видимо, выпали у него из кармана. Пудинг пошарила по полу и нашла их. «Лучше я сама прочитаю, что там пишут», — подумала она. Может, это просто недоразумение? Мэри Поппинс говорит, что ни о чём нельзя судить по внешнему виду! Но, читая

и перечитывая сообщения, Пудинг поняла, что нужно было признать очевидное. Это не ошибка. Джеральд сказал правду. Горькую правду.

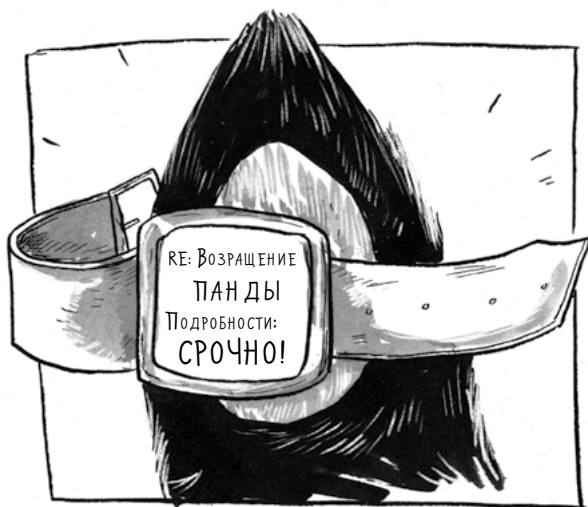

«Я не поеду! — она кипела от злости. — Они не могут меня заставить! Я убегу!»

БИП! Часы снова завибрировали. Пудинг уставилась на крошечный экран. Он мигал, сообщая, что пришло новое письмо. Правда, оно было не от каких-то страшных боссов, а от мальчика по имени Кристофер Кэмпбелл.

«Дорогая Пудинг! Не знаю, зачем я это пишу... В общем, мне нужна твоя помощь».

Пудинг моргнула и протёрла глаза. Не может быть! Ей пишет ребёнок, который

попал в беду! Исполнилось её самое сокровенное желание! Она закрыла глаза и прижала лапы к пушистой груди, где большое горячее сердце замирало от восторга. Ребёнок просит её о помощи! Они могли бы спасти друг друга!

Но для этого Пудинг должна сбежать.

Как же это сделать? Раньше она никогда не думала о побеге. Пудинг открыла глаза и подошла к зарешеченной двери.

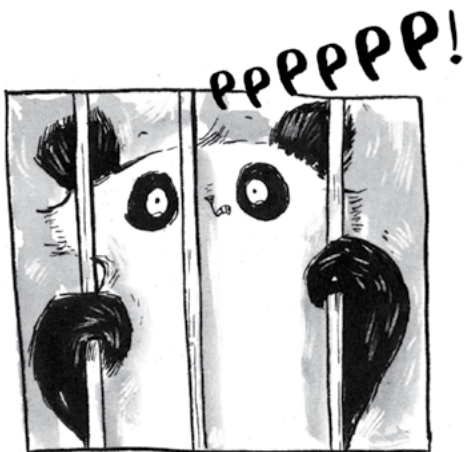
— Ррррр! — она попыталась разогнуть прутья решётки, но ничего не получилось.

Вдруг Пудинг снова изумлённо моргнула:
дверь распахнулась сама собой.

— Ах! — воскликнула панда. — Джеральд,
дорогой друг! Ты освободил меня!

Она осторожно выскользнула в ночное
безмолвие. Странный ветерок шевелил

кроны деревьев, когда Пудинг сделала первые шаги в сторону дома, где её ждал мальчик, нуждавшийся в помощи.

«Кто знает, — думала она, — может, ветер и правда переменится!»

